

СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

Л.И. ЯКОБСОН

Социальная политика ювенального общества*

На материале дискуссии о социальном либерализме в статье анализируется роль мировоззренческих ориентиров социальной политики в условиях незавершенного постсоветского транзита. Показано, что для современной России характерны, с одной стороны, формирующийся запрос на демократический тип социальной политики, а с другой – незрелость предпосылок реализации этого запроса. И то, и другое объясняется состоянием гражданского общества. При слабой институционализации общественных групп их конфликтующие интересы репрезентируются главным образом различными звеньями государственного аппарата и зачастую представляются конкурирующими версиями единого интереса общества. Концепция социального либерализма в том виде, как она фигурирует в ряде опубликованных в ходе дискуссии статей, объективно служит позиционированию в этом качестве специфических интересов, которые присущи слоям, глубже других вовлеченным в процессы модернизации. Вместе с тем, применительно к наиболее актуальным проблемам социально-экономической политики она фактически не предлагает решений, которые не поддавались бы обоснованию с иных мировоззренческих позиций.

Ключевые слова: социальная политика, интересы, гражданское общество, постсоветский транзит, социальный либерализм.

Дискуссия о социальном либерализме, более двух лет идущая на страницах журнала “Общественные науки и современность”, обнаружила пересечение интересов тех, кто озабочен выбором приоритетов политики, и тех, кто занят далекими от злобы дня проблемами методологии. Стержнем обсуждения стал вопрос, уместно ли базировать политику на методологически выверенной доктрине и пригоден ли в этом качестве социальный либерализм. Автор начавшей дискуссии статьи недвусмысленно заявил, что обращение к теме “продиктовано намерением подтвердить свои мировоззренческие позиции: мне одинаково чужды и рыночный фундаментализм, и коммунистическая идеология” [Рубинштейн 2012, с. 31]. Впрочем, это признание появилось в конце статьи, тогда как в ее начале провозглашена идеологическая нейтральность [Рубинштейн 2012, с. 15]. Таким образом, делается заявка на обоснование присущих автору мировоззренческих ориентиров посредством якобы индифферентного к ним научного дискурса, что,

* Статья подготовлена в рамках проекта Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, выполненного при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Якобсон Лев Ильич – доктор экономических наук, профессор, первый проректор Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, научный руководитель Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора. Адрес: Мясницкая ул., д. 20, Москва, 101000. E-mail: ljacobson@hse.ru.

разумеется, спорно. Однако подобный ход мысли подчас отвечал общественному запросу. Можно предположить, что это происходило, когда он отражал актуальные интересы, нуждавшиеся в авторитетной защите. Так, марксизм при всей значимости его вклада в философию, социологию и политическую экономию, вряд ли вышел бы за пределы академической среды, если бы не представил интересы одного из классов в качестве долгосрочных интересов всего общества. Нет ли здесь аналогии с ролью, на которую претендует социальный либерализм в изложении инициатора дискуссии?

Оппоненты А. Рубинштейна справедливо отмечают, что он не доказал несостоятельности методологического индивидуализма, с критики которого начинается его статья (например, [Либман 2013, Тамбовцев 2013]). Но если присмотреться к ее логике, оказывается, что принцип комплементарности полезностей, который выдвигает автор, по сути, предложен не в качестве единственно пригодного для объяснения реалий, а в качестве наиболее подходящего, чтобы *легитимировать преимущественное влияние “других людей”, “мериторов”* на принятие политических решений. Предпринята нетривиальная попытка примирить приверженность демократии с фактическим неприятием принципа “один человек – один голос”. В методологическом плане она, на мой взгляд, уязвима прежде всего в силу удвоения состава “более равных” участников политического процесса. В рамках миссильной конструкции ими предстают политики-“мериторы”, которые “способны осознавать... интересы” общества, а в жизни – политики, одинаково способные «как приближать, так и отдалять общественный выбор от общественных потребностей. Поскольку эмпирически наблюдаемы лишь вторые, получается, что для “нормативных интересов” не находятся адекватные носители, хотя, по утверждению автора, эти интересы формируются “конкретными людьми» [Рубинштейн 2012, с. 22, 25]. Впрочем, о том, кто видится автору статьи в роли “других людей”, можно судить по другой публикации [Рубинштейн, Муzychук 2014]. Это не сегодняшний политический класс, а интеллигенты, высоко ценящие культуру и стремящиеся обеспечить максимальную поддержку ее развития со стороны государства. Короче говоря, речь идет о людях, ментально и социально близких автору.

Большинство участников дискуссии выразили симпатии если не концептуальным построением ее инициатора, то выводам, из них вытекающим. Естественно задуматься, вызвана ли такая реакция всего лишь дистанцированием от ультралиберальных и ультралевых крайностей или возник резонанс на идею сочетать демократию с преимуществами для “других людей”. Первое, не будучи оригинальным, вряд ли породило бы столь продолжительное и содержательное обсуждение. Второй же нуждается в объяснении, которое попытаюсь дать ниже. Постараюсь также показать, что комплекс представлений, которые в дискуссии связывались со словами “социальный либерализм”, внешне критичный по отношению к действительности, на самом деле отражает ситуацию незавершенного перехода от одного типа политики к другому и выполняет, в том числе, функции приспособления к ней.

Дискуссия дает богатый материал для решения названных задач. Для этого требуется, однако, затронуть довольно широкий круг тем, в том числе особенности политической проблематики по сравнению с научной, специфику советской и постсоветской социальной политики, зависимость политических изменений от развития гражданской самоорганизации и т.д. Размер статьи не позволяет должным образом рассмотреть ни одну из тем, приводя достаточное число ссылок и аргументов, базирующихся на эмпирических данных. Впрочем, высказываемые ниже суждения в каждом случае имеют опору в литературе, тогда как замысел статьи сводится главным образом к их интеграции.

Между “аристократической” и “демократической” политикой

Работы многих исследователей российского общества убеждают в том, что его структура, нормативно-ценностные установки и взаимоотношения с государством находятся в состоянии “от одного берега уплыли, до другого еще далеко”. Причем социальные группы и территориальные общности отнюдь не одинаково вовлечены в

трансформационные процессы и в результате плохо понимают друг друга при дефиците навыков и каналов эффективного диалога¹. Неоднородность отражается на всем комплексе политических предпочтений, но наиболее ярко проявляется в отношении *социальной политики* в широком смысле. К ней относятся, например, регулирование рынка труда и цен на отдельные товары и услуги (в частности, медикаменты), налогообложение доходов, определение прав пенсионеров и получателей других социальных выплат, формирование условий доступа к медицинской помощи, образованию, благам культуры и т.п., короче говоря, все, что явным образом включает аспект *распределения* возможностей, которыми располагает общество, между его членами. Именно в этой плоскости совершаются действия государства, которые наиболее ощутимы каждым гражданином независимо от рода занятий, причем не от случая к случаю, а повседневно.

Всякая «политика имеет дело с конфликтами между людьми, причем такими, которые затрагивают “общие условия” их совместной жизни... такие конфликты не допускают чисто “рационального” их разрешения посредством убеждения... и добровольного принятия открывающейся таким образом “истины”... В этом состоит различие... между “научными” проблемами и “политическими”» [Капустин 2011, с. 40]. Очевидно, природа политики более обнаженно проявляется, когда речь идет о предельно наглядном *управлении неравенствами*, чем, например, о макроэкономике, международных отношениях или обороне, в проблематике которых конкуренция групповых интересов не сразу заметна. Применительно к социальной политике особенно соблазнительно, но и опасно затушевывать грань между беспристрастным научным исследованием, которое лишь снабжает политиков полезной информацией, и непосредственным принятием решений, как правило, приносящим одни интересы в жертву другим. В силу этого ниже говорится именно о социальной политике, тем более что к ней относятся едва ли не все конкретные примеры, фигурировавшие в дискуссии о социальном либерализме.

В [Якобсон 2008] подчеркивалось несходство социальной политики, которую узкий круг обладателей имущественных и властных ресурсов осуществляет в *отношении большинства*, лишенного этих ресурсов, с той, которая строится на основе *репрезентации интересов и предпочтений большинства*, обладающего ресурсами. В первом случае элита “делится” с большинством результатами реализации *своих прерогатив*, оставляя за собой функцию распределения благ и возможностей между внеэлитными группами. Во втором случае социальная политика представляет собой *сочетание конкуренции и сотрудничества внеэлитных групп*, в ходе которых достигается некое *равновесие в пространстве социальных прав*. Оба типа допускают широкие спектры вариантов. Первый тип можно условно называть “аристократической”, а второй – “демократической” социальной политикой². Разумеется, формирование и осуществление последней тоже опосредуется политической элитой. Однако, чтобы второй тип был возможен, необходима не только открытость элиты, но и ее укорененность в высоко-развитом гражданском обществе³. Важно, чтобы силы, действующие на политической арене, эффективно распознавали, интегрировали и отстаивали дифференцированные интересы и запросы разнообразных общественных групп. Для этого сами группы должны быть неким образом *институционализированы*.

Еще А. де Токвиль заметил, что “именно ассоциации должны занять место тех могущественных вельмож, которые исчезли... с созданием равных условий существо-

¹ Не располагая возможностью поместить здесь хотя бы краткий обзор соответствующих публикаций Л. Гудкова, В. Могуна и М. Руднева, Э. Понарина, Н. Тихоновой, О. Шкаратана и других, ограничусь ссылкой на представленную в рамках рассматриваемой дискуссии статью [Тихонова 2013], в которой высказан, в том числе, важный тезис о “зависании” трансформационного процесса.

² Если бы в статье речь шла не о либерализме, естественно было бы вслед за Г. Моска противопоставить здесь “аристократическому” “либеральное”. При относительно слабом гражданском обществе “аристократический” тип совместим с формированием органов власти на основе демократических процедур.

³ Тема гражданского общества нашла свое место в дискуссии, в том числе в начавшей ее статье.

вания” [Токвиль 1994, с. 380]. Однако замещение не происходило ни автоматически, ни мгновенно, и при слабости ассоциаций место наследственной аристократии занимали иные обладатели привилегий. Соответственно, социальная политика повсюду возникала как “аристократическая”, лишь постепенно и отчасти трансформируясь в “демократическую” там, где складывалось зрелое гражданское общество. Его формирование ведет не только к более адекватной артикуляции групповых интересов. Суть перемен – в изживании *попечительства*, как оно определено в [Даль 2003, с. 79–98]. В контексте социальной политики изживание предполагает, что гражданин перестает быть преимущественно объектом заботы, воспитания и т.п., пусть и наделенным инструментами воздействия на элиту (как подросток способен воздействовать на взрослых пожеланиями или угрозой бунта). Возникает своего рода синергия политики и *самоорганизации* граждан, актуализируется взаимосвязь между социальными правами и *ответственностью* их обладателей, а политика все более нацеливается на *развитие* личности. Эти черты социальной политики отчетливо просматриваются в ряде стран, хотя их становление не свободно от противоречий и, по-видимому, нигде не завершено [Social... 2013]. Можно предположить, что для его успеха требуется синхронное и сбалансированное усиление *внутригрупповой* и *межгрупповой солидарности*, поскольку на первой базируется самоорганизация групп, а вторая предотвращает чрезмерную конфликтность⁴.

Если гражданское общество слабо, объективно предопределен “аристократический” характер социальной политики, который, однако, предстает в разных обликах в зависимости от состава и доминирующих мотивов элиты. С некоторой долей условности можно разграничить “охранительный”, “филантропический” и “воспитательный” компоненты этих мотивов. Первый коренится в чувстве самосохранения элиты, второй – в сочувствии опекаемым, религиозном долге и т.п., третий – в стремлении привести общество в соответствие с некими идеалами. Для легитимации преимущественно “охранительной” социальной политики требуется, чтобы существующий порядок вещей, состав элиты и ее прерогативы воспринимались как освященные религией или традицией, адекватные национальному характеру, отвечающие высшим интересам общества и т.п. Легитимация “воспитательной” политики в глазах “воспитуемых” предполагает, во-первых, принятие ими предложенной элитой трактовки идеала и, во-вторых, готовность меняться, критически относясь к своим привычкам и запросам.

Если с этих позиций взглянуть на социальную политику современной России, станет ясно, что требования, предъявляемые к ней различными частями общества, *несовместимы* ни между собой, ни с условиями ее формирования. Отсюда труднопреодолимая *непоследовательность* политики и *дефицит* ее *легитимности*, что в свою очередь порождает спрос на своего рода *компенсации в сфере нормативных построений*.

Вызовы переходного состояния

Постсоветская социальная политика в огромной степени сводится к усилиям выполнять обязательства, в значительной мере *унаследованные* от советского государства. Они были законодательно подтверждены и дополнены в 1990-е гг., когда проигрывавшие фракции элиты искали поддержки граждан с помощью эскалации обещаний. Логика, в которой были выстроены обязательства, более или менее органичная для “берега, от которого уплыли”, не могла не утрачивать адекватности в ходе “плавания”. Вместе с тем для нее не находится полноценной замены, пока не приблизились к “другому берегу”. Отсюда типичное для 1990-х гг. сочетание растущих гарантий с их вызывающим невыполнением, как и проявившееся позднее стремление соблюдать ряд гарантий скорее формально, не слишком заботясь о достижении конечных целей, ради которых они вводились.

⁴ Теоретические и эмпирические исследования той и другой представлены в многочисленных публикациях о двух типах социального капитала.

Специфику советской социальной политики во многом определяли две черты. Первая – беспрецедентная значимость “воспитательного” начала. Дело не только в ощущении, хотя и не одинаковом по интенсивности и формам, непосредственном присутствии этого компонента на всех этапах советского периода. Идея “воспитания нового человека” подразумевала миссию “авангарда общества” как способного распознавать “подлинные интересы” и “рациональные потребности”, в силу чего “охранительная” политика как бы поглощалась “воспитательной”. По мере того, как элита утрачивала способность убедительно претендовать на роль “воспитателя”, советский вариант социальной политики подвергался эрозии. Относительно возрастала роль “филантропического” компонента (налицо свидетельства искреннего стремления последних советских лидеров улучшить положение масс), но не сложилась целостная альтернатива прежним подходам.

Вторая черта – отсутствие четкой грани между первичным распределением и перераспределением, которое осуществляет государство. В рыночной экономике перераспределение (налоги и общественные расходы, включая социальные трансферты и финансирование услуг госсектора) в некотором смысле надстраивается над распределением доходов между участниками рынков факторов и результатов производства. В плановом хозяйстве определение условий оплаты труда и, например, пенсионного обеспечения, в принципе, находится в одном ряду. Это, в принципе, благоприятствовало гибкости социальной политики и позволяло ей быть более щедрой, чем в большинстве стран со схожим уровнем ВВП на душу населения. Однако и в данном отношении постепенно ослаблялась способность элит контролировать общественные процессы. Все более насущным становилось эффективное стимулирование трудовых усилий, что естественно, ограничивало маневр в области социальной политики.

Необходимо назвать еще две черты советского подхода к социальной политике, хотя они относятся скорее к ее истолкованию, чем к практике. Во-первых, “подлинные интересы”, выразителем которых выступал “авангард”, якобы становились известными *посредством научного познания*, базирующегося на *специфической методологии*. Благодаря этому интересы, репрезентируемые “авангардом”, наделялись *нормативным характером*. Во-вторых, с тех пор, как социализм был “построен в основном”, им отводилась роль *интересов всего общества* (прежде они считались классовыми). В чем-то это напоминает представление о миссии “других людей” и роли представляемых ими интересов.

Постсоветский транзит лишил социальную политику прежнего, пусть и обветшавшего, “воспитательного” ядра и прежней легитимации, а вместе с ними привычной, хотя и постепенно утрачивавшейся логики. В 1990-е гг. основную роль стал играть “охранительный” компонент и “маневрирование в долг” посредством принятия от имени государства обязательств, не подкрепленных доступными ресурсами. Искренняя и острая озабоченность социальными проблемами отнюдь не была чужда многим из участвовавших в выработке политики. Доминировал, однако, настрой на то, чтобы “день простоять да ночь продрожаться” ради проведения экономических и политических реформ. В 2000-е гг. с усилением государства и быстрым ростом его доходов “охранительный” подход стал не только реализовываться гораздо интенсивнее и успешнее, но в значительной мере сочетаться с “филантропическим” компонентом политики, а иногда и с попытками возродить “воспитательный” компонент социальной политики. Тем не менее не исчез *дефицит ее последовательности и легитимности*.

Чаще всего его связывают с личными качествами тех, кто принимают решения. Действительно, последовательная и эффективная социальная политика возможна лишь при адекватном качестве элиты. Применительно к “аристократическому” типу значение имеет, в частности, мера ее консолидации в противоположность “перетягиванию каната”, “соперничеству башен” и т.п. Применительно к “демократическому” типу критически важна способность улавливать и адекватно репрезентировать запросы социальных групп. Применительно к обоим типам необходимо умение ответственно и квалифицированно выбирать решения, учитывая, в том числе, их долгосрочные пос-

ледствия, а главное – способность вести диалог, находить относительно устойчивый баланс интересов и объединять вокруг него общество. Когда оно крайне неоднородно, последняя задача особенно трудна. В [Тихонова 2013, с. 41–42] содержится жесткая оценка современной российской элиты в сопоставлении как с наследственной, так и с меритократически сформированной. Однако при переходном состоянии общества трудно представить как сохранение наследственной элиты, так и ее сугубо меритократическое рекрутирование.

Кроме того, непоследовательность социальной политики способна возникать, даже когда решения готовятся на основе довольно квалифицированной аналитики и принимаются при наличии доброй воли. Для иллюстрации ограничусь примером эволюции пенсионной системы. Относительно высокий уровень пенсионного обеспечения стал привычным на последнем этапе советского периода, и его падение в 1990-х гг. единодушно воспринималось как нелегитимное и временное. В конце этого десятилетия был разработан проект реформы, предусматривавший как приемлемые соотношения зарплат и пенсий, так и защищенность пенсионной системы от макроэкономических шоков. Последнее предполагало увязку выплат с институционально закрепленными доходами Пенсионного фонда. Проблема в том, что конкретное *соотношение конфликтующих требований*, которое фиксировалось параметрами системы, менялось с течением времени. Требования соответствовали непосредственным *интересам разных частей общества*, и каждое из них закономерно находило своих сторонников в структурах власти.

Первоначально акцент был сделан на макроэкономических эффектах проектировавшихся изменений. В основу конструкции был положен принцип бездефицитности Пенсионного фонда при сравнительно невысоком размере платежей в него. Конструкция включала также накопительный компонент пенсионной системы, введенный не только ради будущего увеличения пенсий, но чтобы мобилизовать средства для долгосрочных инвестиций. Позднее на первый план вышло сочетание электоральных соображений с, вообще говоря, оправданным стремлением увеличить долю пенсионеров в том неожидаемом выигрыше, который принес России рост цен на экспортные энергоносители. Аналитика, на которой базировались решения, не была безупречной, но не это сыграло основную роль. Было решено субсидировать Пенсионный фонд за счет федерального бюджета.

В результате именно в силу зависимости последнего от неустойчивых нефтяных доходов при фиксированных и чрезвычайно масштабных обязательствах Пенсионного фонда возникла угроза дестабилизации экономики. К тому же решение, которое, по-видимому, отражало представления, возникшие в благоприятный период, принималось, как нередко бывает, когда ситуация начала ухудшаться. С тех пор вокруг дефицита Пенсионного фонда с переменным успехом идет борьба ведомств, каждое из которых выдвигает отнюдь не бессмысленные аргументы. За ними, в свою очередь, стоят *объективные конкурирующие интересы* пенсионеров, работников и предпринимателей, а если речь заходит о конкретных вариантах действий, – еще и конкуренция более дробных интересов, например отраслевого характера. Вместе с тем, хотя налицо политическая проблема, ее обсуждение нередко ведется так, как если бы происходил поиск некой объективно наилучшей концепции.

В истории пенсионной реформы, как и многих других, главные проблемы связаны не с просчетами и качеством элиты, хотя несомненно сказывается и то и другое. Более значима *слабость институтов артикуляции и балансировки интересов*. В результате компромиссы между групповыми интересами, которые собственно и образуют ткань социальной политики, достигаются непрозрачно и оказываются неустойчивыми. В сочетании с правовым и социально-психологическим наследием советского периода это предопределяет *уязвимость практически любого варианта* социальной политики (признание уязвимости доступных альтернатив не равнозначно апологии *status quo*). Ведь каждый из них позиционируется в роли наконец-то найденного решения, якобы отвечающего интересам общества в целом. Ему всегда можно противопоставить иное

решение, соответствующее другой интерпретации того же подразумеваемого интереса. Конкурирующие концепции, независимо от намерений их авторов, в подобных случаях оказываются инструментами продвижения партикулярных интересов, впрочем, далеко не самыми ценными.

При слабой институционализации групп, из которых состоит общество, их интересы учитываются главным образом постольку, поскольку присутствуют *в приоритетах отдельных звеньев государственного аппарата*. Именно они, а не партии и их парламентские фракции, профсоюзы, бизнес-ассоциации и т.п. выполняют сегодня роли наиболее активных, компетентных и влиятельных участников не только выработки ключевых решений, но даже формирования и интерпретации политической повестки. Характерно, что в списках ста ведущих политиков России, регулярно публикуемых “Независимой газетой”, неизменно преобладают имена тех, кто, формально говоря, не являются публичными политиками. В то же время это, как правило, отнюдь не нейтральные бюрократы, равноудаленные от общественных групп и идейных платформ. Механизм представительства интересов посредством межведомственной конкуренции модифицируется *собственными интересами ведомств* в расширении зон контроля и упрощении решаемых задач. К тому же соотношение ведомственных приоритетов существенно зависит от меры личного влияния главы ведомства, которое может меняться, что оказывается еще одним фактором непоследовательности политики.

Итак, *несовершенство институтов* формирования политики, особенно социальной, не может быть компенсировано одними лишь переменами в составе элиты. Сказанное не является апологией ее нынешнего состояния. Однако, коль скоро речь идет не только о подвигах в рамках “аристократического” типа, но и о переходе к “демократическому” типу, проблема не сводится к персональным недостаткам тех или иных лиц и даже к тому, как проводятся выборы и конкурсы на замещение должностей. Изменения в формальных институтах формирования политики способны приносить лишь ограниченные результаты, пока слаба *самоорганизация* неэлитных групп. “Демократическая” социальная политика без нее в принципе невозможна, а самая свободная и честная политическая конкуренция способна вырождаться в соревнование демагогов, обещающих всем все. В этом случае социальная политика тяготеет не к “демократическому” типу, а к популистской разновидности “аристократического” типа с абсолютным преобладанием “охранительного” компонента.

Переход к “демократическому” типу совершается *в меру усиления гражданско-го общества*. Важно различать, с одной стороны, резервы, существующие на каждом конкретном этапе его становления, а с другой – отличия в последовательности и эффективности социальной политики между обществами с существенно разным состоянием самоорганизации.

Социальный либерализм здесь и сейчас

Эмпирические исследования российского гражданского общества убедительно свидетельствуют, с одной стороны, о том, что оно плодотворно развивается несмотря на обстоятельства, далеко не во всем благоприятствующие его становлению, а с другой – об, условно говоря, ювенальном его состоянии⁵. В такой ситуации, с одной стороны, уже ощутим запрос на “демократическую” политику, а с другой – он не вполне конкретен и не подкреплен достаточными предпосылками реализации.

Психология взрослеющего общества, вероятно, в чем-то схожа с психологией подростка. Среди неотъемлемых черт последней “обратимое маневрирование между реальностью и возможностью” и склонность к радикальным, максималистским трактовкам обеих [Болотова, Молчанова 2012, с. 282–283]. Вероятно, отсюда популярность

⁵ См., в частности, данные мониторинга гражданского общества, проводимого НИУ ВШЭ, значительная часть которых представлена на интернет-сайте grans.hse.ru/, а также публикации ВЦИОМ, Левада-Центра, ФОМ и ряда других исследовательских организаций.

концепций, не слишком укоренных в практике и чуждых умеренности и аккуратности. Применительно к социальной политике довольно типичны полярные построения: *либертарианские*, утверждающие неограниченный суверенитет индивида, и так называемые *государственнические*, тяготеющие к подчинению интересов личности интересам выживания и экспансии общества. Границы общества задаются для государственников границами государства, а интересы в последовательном варианте персонализируются автократом [Урнов 2013, с. 40]. Для обеих позиций (как, впрочем, для всякого радикализма) характерна претензия на абсолютную внеисторическую истину и вера в то, что разрыв между реальностью и идеалом быстро устраним при наличии политической воли. Подобные взгляды плохо сочетаются с вниманием к переходным процессам и групповым интересам. Для последовательных “государственников” группы интересны преимущественно в качестве сословий, каждое из которых призвано по своему служить государству. Для последовательных либертарианцев партикулярное сообщество – либо сугубо добровольное объединение индивидов, либо потенциальный ограничитель их суверенитета.

Казалось бы, предпочтения суверенной личности заведомо не нуждаются в обосновании. Но, судя по работам либертарианцев, для политических предпочтений делается исключение. Типичны эмоциональные попытки убеждать аудиторию в превосходстве либертарианства перед другими мировоззренческими позициями. Широкой публике адресуется прежде всего экономическая аргументация. О ее небесспорности в рамках дискуссии говорилось в статье [Балацкий 2014]. Впрочем, последовательные либертарианцы удивились бы присутствующему в ней тезису о “жесткой либертарианской модели экономики” США (ср., например, [Рэнд 2003]). У Е. Балацкого речь идет не о либертарианском идеале, а лишь о слабом намеке на него, просматривающемся в американских реалиях. Идеал, естественно, более полно выражает то, что свойственно либертарианству, а потому более уязвим для критики. Говоря коротко, либертарианцы убедительны в анализе конкретных примеров гиперрегулирования и чрезмерного налогообложения, но ни теория, ни эмпирические данные не подтверждают, что наилучшее с точки зрения экономического роста государство – это “ночной сторож”. Кроме того, сомнительна сама пригодность экономических рассуждений для обоснования мировоззренческого выбора.

Впрочем, ключевая роль в либертарианском дискурсе принадлежит не экономическим, а философским аргументам. Отношение к ним может быть разным, но в рамках рассматриваемой дискуссии вместо них прозвучал тезис, будто либертарианство непосредственно и адекватно выражает “волю Творца видеть Человека свободным” [Яновский, Жаворонков 2013, с. 69]. Не вступая в спор с авторами, которые считают либертарианское отношение к частной собственности и разделению властей обязательным для каждого монотеиста, нельзя не заметить, что в сакрализации политического выбора они следуют примеру наиболее радикальных и воинственных “государственников” (см. [Верховский 2003]). Нечто подобное имеет шансы быть воспринятым, по-видимому, лишь в обществе, переживающем взросление. Апелляция к сакральному предполагает архаичное отношение к несогласию как проявлению греховности, по сути исключая конструктивный диалог и компромиссы. Если же на сакральный статус претендуют не вполне традиционные тезисы (а догматизация постулатов либертарианства выглядит именно так), вспоминается юношеская склонность абсолютизировать итоги собственных идейных исканий.

Либертарианская и государственническая позиции в наиболее последовательных вариантах представлены в работах, ориентированных скорее на тотальную критику действительности, чем на обстоятельный анализ происходящего и поиск осуществимых улучшений. Построения авторов, мыслящих не столь романтически, нередко представляют собой “причудливый набор... положений и риторических конструкций классического марксизма, советской политэкономии, кейнсианства, религиозно-философских концепций, евразийства и глубоких личных убеждений” [Мельник 2015, с. 48]. Популярность синкретических конструкций (не только тяготеющих к государственничеству), вероятно, не в последнюю очередь связана с недостаточной готовностью и умением ответственно выбирать мировоззренческую и политическую позицию.

На подобном фоне концепция социального либерализма в том виде, как ее отстаивают ряд участников дискуссии, включая ее инициатора, обладает впечатляющими преимуществами. Это не просто альтернатива как черно-белым построениям радикалов, так и эклектичным выступлениям “за все хорошее”. Сделана попытка осмыслить эмансипацию личности и становление нового единства граждан, предполагающего одновременно их *равенство и неравенство* в пределах формирующейся гражданской нации. Для нашего взрослеющего общества это актуально сегодня, а в Западной Европе было важным пунктом философской повестки Просвещения, на который ни один из его выдающихся мыслителей не дал исчерпывающего ответа (см. [Капустин 2010]). Причина, разумеется, не в том, что их построения можно было бы превзойти, а в том, что, находясь “у времени в плену”, они воспринимали исторически обусловленную повестку как инвариантную по отношению к месту и времени. Настало время, когда эта повестка к месту в России. Отклики на нее естественны, но не стоит рассчитывать, что кто-либо даст безупречный ответ. С учетом сказанного не следует быть придирчивым к методологии Рубинштейна.

У нас, как когда-то на Западе, образованной части недавно народившегося среднего класса одновременно присущи демократические устремления и боязнь стать жертвой диктата большинства. Примечательно, насколько подходит к теме “других людей” следующее наблюдение: «Оградить просвещенную мудрость от иррационального своеволия народа – это важнейшая задача не только нравственного, но и политического “проекта Просвещения”...» [Капустин 2013, с. 267]. Применительно к сегодняшним отечественным реалиям ту же задачу составляет защита *интересов слоев общества, наиболее вовлеченных в процессы модернизации*. Конструирование для этой цели миссии “меритора” объяснимо в среде, где партикулярные интересы не пользуются особым уважением, зато не забыто правление “авангарда”, вооруженного “единственно верным учением”. Что же касается способа обоснования, то, вероятно, сказывается, помимо прочего, давняя интеллигентская традиция “самым практическим общественным интересам придавать философский характер”, превращая “конкретное и частное... в отвлеченное и общее” [Бердяев 1991, с. 14].

В перспективе подлинно авангардная роль групп, дальше других ушедших по пути модернизации, по-видимому, скажется, в том числе, в передаче другим группам опыта искреннего и нестыдливого позиционирования своих целей в качестве приоритетных для всего общества. Другой вопрос, что склонность считать именно себя “другими людьми”, добиваясь реализации собственных интересов, будет взаимно признаваться естественной для *каждой* из групп. В результате отпадет потребность в оправданиях с помощью академических аргументов. Это никоим образом не исключает внимания к *интересам всего общества* как области *совпадения* ключевых интересов всех граждан или их подавляющего большинства. Таково, в частности, удержание конкуренции интересов в рамках, исключающих разрушительные конфликты. Для этого необходимо безусловное уважение к закону и постоянная нацеленность на поиск компромиссов в противовес безоглядным проявлениям группового эгоизма. Разумеется, данный *прогноз относится к оптимистическому сценарию*, подразумевающему последовательное становление гражданского общества и соответствующую эволюцию политической системы. Реализуется ли он, вопрос иной.

О повестке дня

Историческая ограниченность социального либерализма показана в [Полтерович 2015]. В данной статье, открывающей новый горизонт дискуссии, говорится, что “эта философия упускает... возрастающую роль институтов сотрудничества” в противоположность соперничеству [Полтерович 2015, с. 58]. Упрек не до конца справедлив: скорее недооценивает, чем совсем упускает. Тем не менее именно тенденции, о которых убедительно пишет В. Полтерович, снижают актуальность социального либерализма по мере снятия той проблемы “проекта Просвещения”, с которой пытается совладать Рубинштейн. Доминированию подобных тенденций в точности соответствует завер-

шающая стадия перехода к демократическому типу социальной политики. Однако балансировка экономической, политической и социальной конкуренции добровольным сотрудничеством предполагает *меру доверия и характер гражданской культуры*, от которых российское общество пока далеко (см., в частности, [Якобсон 2014]). В нашей повестке дня пока значится не завершение перехода, а его начало в условиях, настоятельно требующих в первую очередь *цивилизованного обустройства конкуренции социальных групп*. Ее замалчивание или осуждение чреваты движением скорее назад, чем вперед. Таков контекст, в котором высказывания участников дискуссии, симпатизирующих социальному либерализму, обладают несомненной привлекательностью.

Эти высказывания фактически отражают мейнстрим отечественных представлений о должном. Примечательно, что схожие суждения присутствуют в программных материалах многих политических сил, относящихся как к власти, так и к оппозиции, системной и несистемной (например, [Путин 2012], [Программа... 2014] или [Платформа... 2015]). Вместе с тем в большинстве статей участников дискуссии отчетливо видно недовольство существующим положением вещей. Яснее других это сформулировала Тихонова: "...государство должно обеспечивать рост экономики и прозрачность рынка труда, четкие правила взаимодействия работников и работодателей, низкую инфляцию, позволяющую сберегать и инвестировать, не меняющееся постоянно законодательство, равенство всех перед законом, работающую судебную систему, преодоление тотальной коррупции и т.д." [Тихонова 2013, с. 40–41]. Есть ли в этих словах нечто специфическое для социального либерализма? Под ними подписались бы классические либералы и классические консерваторы, социал-демократы и либертарианцы, равно как неолибералы, сетования на засилье которых не раз звучали в дискуссии.

Чтобы убедиться в несостоятельности этих сетований, достаточно вспомнить, что государство является единственным или основным собственником большинства крупнейших российских бизнесов, а расходы бюджетной системы превышают 38% ВВП [Российская... 2015, с. 59]. К этой доле следовало бы прибавить ту часть расходов контролируемых государством компаний, которая используется в соответствии с политической, а не коммерческой логикой, не говоря уже о добровольно-принудительном участии бизнеса в проектах региональной и местной власти. Стоило бы также упомянуть меру зарегулированности экономической деятельности, разнообразие контрольно-надзорных полномочий и манеру их исполнения. Короче говоря, реалии российской экономики имеют мало общего с рекомендациями неолибералов. С некоторой натяжкой к их числу можно отнести отдельных представителей экономического блока правительства и примыкающих к ним экспертов, но не представителей силового и социального блоков и их группы поддержки. Различие позиций проявляется в аппаратных противостояниях, отражая не столько борьбу идеологий, сколько конкуренцию интересов.

Среди наиболее острых проблем социально-экономической политики, подобных названным в процитированном высказывании Н. Тихоновой, трудно найти те, в отношении которых социальный либерализм предлагал бы конкретные прорывные решения. Типичны рекомендации, содержащиеся в ранее названной статье [Рубинштейн, Муzychук 2014]. Они сводятся к требованию резко усилить государственную поддержку культуры без четкого указания на то, чем следует ради этого пожертвовать. Если подразумевается рост налогов, это не слишком либерально, а если имеется в виду сократить долю несочальных расходов бюджетной системы, на нем давно настаивают авторы, не причисляющие себя к сторонникам социального либерализма (см., например, [Кудрин 2012]). Впрочем, при всей органичности темы перераспределения для социальной политики, его возможности лимитированы, и в ближайшее время это будет, по-видимому, ощущаться все острее.

Исчерпание модели роста, характерной для начала столетия, вкуче с внешними факторами ведет к нарастанию социальных проблем. По-видимому, неизбежно *усиление межгрупповой конкуренции* за ресурсы. В силу необустроенности адекватными институтами она способна становиться разрушительной. В особой мере уязвим средний класс, интересы наиболее продвинутой части которого фактически представляли многие участники дискуссии. Вероятно сжатие этого слоя и усиление заботы его пред-

ставителей о сохранении достигнутого в противовес развитию. Не исключен дрейф к “государственническому” радикализму (для движения к либертарианскому полюсу не просматривается социальная база). Необходим предметный и кропотливый поиск таких *альтернатив мобилизационным сценариям*, которые не сводились бы к прямолинейной экономике на всем, что не имеет крайне влиятельных и бескомпромиссных защитников на вершине госаппарата.

Поиск резервов скучнее и утомительнее, чем спор об идеях. Вероятно, поэтому его ведут главным образом под эгидой ведомств. В результате появляются документы, подготовленные, как правило, квалифицированно, но не вполне беспристрастно⁶. Сторонники всевозможных умеренных “измов” объективно заинтересованы сотрудничать в проведении не менее квалифицированного и детального, но более *независимого анализа*. Если же говорить о долгосрочной перспективе, то решающий вклад в становление принципиально более демократичной и эффективной социальной политики, как и политики вообще, способны, по-видимому, внести усилия, направленные на развитие *гражданской самоорганизации*. Это касается едва ли не любых ее форм, будь то добросовестное лоббирование групповых интересов или благотворительность, правозащита или просветительская деятельность, общественный контроль или взаимопомощь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балацкий Е.В. (2014) Институциональные особенности либертарианской модели экономики // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 18–32.
- Бердяев Н.А. (1991/1909) *Философская истина и интеллигентская правда* // Вехи. Из глубины. М.: Правда. С. 11–30.
- Болотова А.К., Молчанова О.Н. (2012) *Психология развития и возрастная психология*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Верховский А.М. (2003) *Политическое православие. Русские православные националисты и фундаменталисты 1995–2001 гг.* М.: Центр “Сова”.
- Даль Р. (2003) *Демократия и ее критики*. М.: РОССПЭН.
- Капустин Б.Г. (2010) *Либерализм и просвещение* // *Критика политической философии*. Избр. эссе. М.: Территория будущего. С. 256–344.
- Капустин Б.Г. (2011) *Тезисы о политической философии* // *Политическая концептология*, № 2. С. 39–46.
- Кудрин А.Л. (2012) *Чего мы ждем от нового правительства* // *Экономическая политика*, № 2. С. 59–72.
- Либман А.М. (2013) *Социальный либерализм, общественный интерес и поведенческая экономика* // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 27–39.
- Мельник Д.В. (2015) *Концепция социального либерализма на “рынке идей” современной России* // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 43–53.
- Об основных направлениях повышения эффективности расходов федерального бюджета (2015) Москва (http://www.minfin.ru/ru/document/?group_type=&q_4=эффективность).
- Платформа демократической коалиции РПП-ПАРНАС (2015) (<https://parnaparty.ru/news/42>).
- Полтерович В.М. (2015) *От социального либерализма к философии сотрудничества* // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 41–64.
- Программа партии “Справедливая Россия” (новая редакция, проект) (2014) (<http://188.127.236.217/files/pf57/063843.pdf>).
- Путин В.В. (2012) *Строительство справедливости. Социальная политика для России* // Комсомольская правда. 13 февраля.
- Российская экономика в 2014 г.: тенденции и перспективы. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Рубинштейн А.Я. (2012) *Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии* // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 13–34.
- Рубинштейн А.Я., Муzychук В.Ю. (2014) *Оптимизация или деградация? Между прошлым и будущим российской культуры* // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 5–22.
- Рэнд А. (2003) *Апология капитализма*. М.: Новое литературное обозрение.

⁶ Типичен, например, доклад Минфина России [Об основных направлениях... 2015].

Тамбовцев В.Л. (2013) Методологический анализ и развитие экономической науки // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 42–53.

Тихонова Н.Е. (2013) Социальный либерализм: есть ли альтернативы? // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 32–44.

Токвиль Алексис де (1994) *Демократия в Америке*. М.: Прогресс.

Урнов М.Ю. (2013) Социальный либерализм в России (взгляд политолога) // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 30–43.

Якобсон Л.И. (2008) Социальная политика: попечительство или солидарность // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 69–80.

Якобсон Л.И. (2014) “Школа демократии”: формирование “гражданских добродетелей” // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 93–106.

Яновский К.Э., Жаворонков С.В. (2013) Плоды социального либерализма и некоторые причины устойчивости выбора неэффективных стратегий // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 61–74.

Social Policy and Citizenship: the Changing Landscape (2013) Oxford: Oxford Univ. Press.

Social Policy of a Juvenal Society

L. JAKOBSON*

* **Jakobson Lev** – doctor of sciences (Economics), professor and First Vice Rector, National Research University “Higher School of Economics”. Address: 20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: ljacobson@hse.ru.

Abstract

Basing on the materials of the discussion about social liberalism the article analyzes the role of worldview reference points of social policy in conditions of an incomplete Post-Soviet transit. It is shown that the following features are distinctive for modern Russia: on the one hand – the shaping demand for a democratic type of social policy, and on the other hand – immaturity of preconditions for the realization of this demand. Both are explained by the condition of civil society. With a weak institutionalization of public groups, their conflicting interests are represented mostly by different public administration elements and these are often some competing versions of one single interest of the society. The concept of social liberalism as it is presented in the articles published after the discussion objectively serves to the positioning of specific interests inherent in the strata which are more involved in modernization processes. However, concerning the most up-to date issues of social economy policy it actually does not offer any solutions which can be justified from other worldview positions.

Keywords: social policy, interests, civil society, Post-Soviet transit, social liberalism.

References

Balackiy E.V. (2014) Institucionalnie osobennosti libertarianskoy modeli ekonomiki [Institutional Features of Libertarian Economic Model]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 18–32.

Berdyayev N.A. (1991/1909) *Filosofskaya istina i intelligentskaya Pravda* [Philosophical Truth, and the Truth of Intellectuals] *Vehi. Iz glubini* [Milestones. Out of the depths]. Moscow: Pravda, pp. 11–30.

Bolotova A.K., Molchanova O.N. (2012) *Psihologiya razvitiya i vozrastnaya psihologiya* [Psychology of Development and Developmental Psychology]. Moscow: Izd. dom VSHE.

- Dahl R. (2003) *Demokratiya i ee kritiki* [Democracy and its Critics]. Moscow: ROSSPEN.
- Kapustin B.G. (2010) Liberalizm i prosveschenie [Liberalism and education]. *Kritika politicheskoy filosofii. Izbr. esse* [Critique of Political Philosophy. Selected essays]. Moscow: Territoriya buduschego, pp. 256–344.
- Kapustin B.G. (2011) Tezisi o politicheskoy filosofii [Abstracts of Political Philosophy] *Politicheskaya konceptologiya*, no. 2, pp. 39–46.
- Kudrin A.L. (2012) Chego mi zhdem ot novogo pravitelstva [What Do We Expect From the New Government]. *Ekonomicheskaya politika*, no. 2, pp. 59–72.
- Libman A.M. (2013) Socialniy liberalizm, obschestvenniy interes i povedencheskaya ekonomika [Social Liberalism, the Public Interest and Behavioral Economics]. *Obschestvennie nauki i sovremennost'*, no.1, pp. 27–39.
- Melnik D.V. (2015) Konceptciya socialnogo liberalizma na rinke idey sovremennoy Rossii [The Concept of Social Liberalism in the “Marketplace of Ideas” of Modern Russia]. *Obschestvennie nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 43–53.
- Ob osnovnih napravleniyah povisheniya effektivnosti rashodov federalnogo byudzheta (2015) Moscow [On the Main Directions of Efficiency Increase of Federal Budget Expenditures] (http://www.minfin.ru/ru/document/?group_type=&q_4=effektivnost).
- Platforma demokraticeskoy koalicii RPR–PARNAS (2015) [Platform Democratic Coalition RPR–Parnassus] (<https://parnasparty.ru/news/42>).
- Polterovich V.M. (2015) Ot socialnogo liberalizma k filosofii sotrudnichestva [From the philosophy of social liberalism cooperation]. *Obschestvennie nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 41–64.
- Programma partii Spravedlivaya Rossiya (novaya redakciya, proekt) (2014) [The Program of the Party “Fair Russia” (revised draft)] (<http://188.127.236.217/files/pf57/063843.pdf>).
- Putin V.V. (2012) Stroitelstvo spravedlivosti. Socialnaya politika dlya Rossii [Construction of Justice. Social Policy for Russia]. *Komsomolskaya pravda*. February 13.
- Rend A. (2003) *Apologiya kapitalizma* [Apology for Capitalism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Rossiyskaya ekonomika v 2014 g.: tendencii i perspektivi* [The Russian Economy in 2014: Trends and Prospects]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara.
- Rubinshteyn A.Ya. (2012) Socialniy liberalizm: k voprosu ekonomicheskoy metodologii [Social Liberalism: the Issue of Economic Methodology]. *Obschestvennie nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 13–34.
- Rubinshteyn A.Ya., Muzichuk V.Yu. (2014) Optimizaciya ili degradaciya? Mezhdu proshlim i buduschim rossiyskoy kulturi [Optimization or Degradation? Between the Past and the Future of Russian Culture]. *Obschestvennie nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 5–22.
- Social Policy and Citizenship: the Changing Landscape*. (2013). Oxford: Oxford Univ. Press.
- Tambovtsev V.L. (2013) Metodologicheskii analiz i razvitie ekonomicheskoy nauki [Methodological Analysis and Development Economics]. *Obschestvennie nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 42–53.
- Tihonova N.E. (2013) Socialniy liberalizm: est li alternativy? [Social Liberalism: is There an Alternative?]. *Obschestvennie nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 32–44.
- Tokvil A. de (1994) *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. Moscow: Progress.
- Urnov M.Yu. (2013) Socialniy liberalizm v Rossii (Vzglyad politologa) [Social Liberalism in Russia (political scientist point of view)]. *Obschestvennie nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 30–43.
- Verhovskiy A.M. (2003) *Politicheskoe pravoslavie. Russkie pravoslavnye nacionalisti i fundamentalisti 1995–2001 gg.* [Political Orthodoxy. Russian Orthodox Nationalists and Fundamentalists 1995–2001 biennium]. Moscow: Tsentr “Sova”.
- Yakobson L.I. (2014) “Shkola demokratii”: formirovanie “grazhdanskikh dobrodetey” [“School of Democracy”: the Formation of “Civic Virtue”] *Obschestvennie nauki i sovremennost'*. no. 1, pp. 93–106.
- Yakobson L.I. (2008) Socialnaya politika: popechitelstvo ili solidarnost [Social Policy: Welfare, or Solidarity]. *Obschestvennie nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 69–80.
- Yanovskiy K.E., Zhavoronkov S.V. (2013) Plodi socialnogo liberalizma i nekotorie prichini ustoychivosti vibora neeffektivnih strategiy [The Fruits of Social Liberalism, and Some Reasons of Sustainability for Select of Inefficient Policies]. *Obschestvennie nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 61–74.